

Ван увидел двух лисиц, стоявших на задних лапах, прислонившись к дереву. Одна из них держала в руках лист бумаги, и они смеялись, точно над хорошей шуткой.

Ван попробовал спугнуть лисиц, но не тут-то было; тогда он бросился на лисицу, державшую листок, подбил ей глаз и отнял бумагу. На постоялом дворе Ван рассказал о своём приключении. В это время появился господин с синяком под глазом. Он с интересом выслушал Вана и попросил показать ему бумагу. Ван уже протягивал лист, как вдруг хозяин постоялого двора заметил у новоприбывшего хвост. «Это лисица!» — закричал хозяин, и человек мгновенно обернулся лисицей и убежал.

Лисицы не однажды пытались вернуть бумагу, покрытую непонятными письменами, но безуспешно. Ван решил вернуться домой. В пути он встретил всё своё семейство, направлявшееся в столицу. Родные Вана утверждали, что двинулись в путь по его просьбе, а мать показала письмо, в котором он приказывал продать всё имущество и приехать к нему в столицу. Ван внимательно посмотрел на письмо и увидел, что это чистый лист. И, хотя они остались без крова, Ван решил: «Возвращаемся».

Однажды в доме объявился один из младших братьев, которого все считали умершим. Он принялся расспрашивать о злоключениях семьи, и Ван рассказал ему всю историю. «Ах, — сказал брат, услышав о столкновении с лисицами, — в этом-то корень всех бед». Ван показал брату листок. Тот поспешно схватил бумагу. Заполучив желаемое, он издал какой-то возглас и, обернувшись лисицей, убежал.

Ню Цзян. «История о лисицах». —
Личная библиотека Борхеса.
Антология фантастической
литературы. СПб., 1999, с. 402.

Всё в известном нам мире подчинено симметрии. У нас две руки, две ноги, два глаза. Только болотный хмырь стал бы утверждать после этого, что наш мир единичен во Вселенной.

Акад. С. Черноморов

Глава 1

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ГРОБУЛИЯ

Гробулия Склеппи, придворная фрейлина Царства Огня, сладко спала на огромной кровати из деодеда¹ с четырьмя резными головами сатиров, которые имели свойство каждый раз за полчаса до полуночи менять выражение. В данный момент одна из голов была демонически угрюма, другая хохотала, третья рыдала отравленными анчарными слезами, четвёртая же спала, похрапывая во сне громче самого царя Бэра, о котором придворные льстецы говорили, что он храпит музыкально, на три такта исполняя

¹ Редкое магическое дерево. Не горит в огне, не тонет в воде, но взрывается при одном звучании слова «баобаб». К счастью, упомянутое дерево неизвестно в данном измерении. На слово же наложено табу.

государственный гимн. Злые же языки утверждали, что каждый раз в полнолуние Бэр полностью выхрапывает легкомысленную песенку: «Я у реченьки гуляла, водяного повстречала».

Кровать Гробулии была роскошна, но имела дурную славу. Сказать по секрету, ни у кого другого в царстве, кроме самой Склеппи с её извечной тягой к могильному юмору, не хватило бы смелости поставить её у себя в покоях.

Двенадцатью годами до того на ней был задушен подушкой первый магнистр Пламмельбурга, вызвавший гнев Её Величества царицы Нуи тем, что упорно прикидывался трезвенником, не желая осушать чашу с ядом. А ещё девять лет и семь месяцев спустя суровый магшал Рокк на этом же ложе зарубил двуручным мечом свою легкомысленную супругу и её пажа. Меч магшала Рокка был знаменитый «Сын Пламени», второй из трёх великих мечей царства. Лезвие его было сплошной огонь, красноватый и даже с искрой у рукояти и испепеляюще-белый к краю. Лучше всего «Сын Пламени» разил перед рассветом. В дождь же он почти терял свою силу и едва мог справиться с заурядным заговорённым щитом.

Если приглядеться, можно было заметить, что спящая Склеппи что-то держала в руках, гладила и прижимала к щеке. Это были самые обычные варежки — красные пушистые варежки на резинке, которую обычно продавают в рукава маленьким детям, чтобы варежки не потерялись. Теперешней Гробулии они едва налезли бы и на нос. В Царстве Огня, где даже в суровые зимы никогда не замерзала вода и не опадали листья, варежки были экзотикой, тревожащей и опасной.

— Чьи это маленькие ручки? — Поцелуй в ладонь. — Какая ты у меня большая девочка,

Аня! Ты в прошлый раз не замёрзла? Надеюсь, эти новые варежки ты не будешь стаскивать?

Она трясёт головой — как же можно их стаскивать на морозе, когда даже дома ей не хочется их снимать?

— Не отходи далеко от подъезда! Стой так, чтобы я постоянно видела тебя из окна.

— Ага.

— И не приноси больше дохлых птиц. Сколько можно? Я не хочу, чтобы у моей дочки лежали под подушкой мёртвые замороженные птицы со свешивающимися головами. Теперь, когда у тебя такие чудесные варежки, ты же не будешь больше этого делать?

— Не-а, обещаю, что не буду. Я же не убиваю их!

— Но ты их подбираешь. Ещё неизвестно, что лучше. Стой ровно, не вертись!

Её берут и легонько дружелюбно трясут, застёгивая пуговицы. Варежки — маленькие, пушистые, очень приятные — облегают руки. Только резинка чуть мешается в рукавах. Но и это терпимо. Резинка — это надёжность, залог того, что варежки не потеряются.

— И не придумывай себе больше эти мертвецкие имена. Ты огорчаешь этим свою маму! Ну беги, зайка! Чтобы я тебя видела из окна, помни! Я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, мам!

Она сбегает по лестнице — второй этаж кирпичной пятиэтажки. В подъезде полутьма. Пахнет штукатуркой, недавно вымытыми ступеньками и сигаретными окурками, которые мокнут в банках на подоконниках. И ко

всему этому примешивается вкусный, манящий запах домашней стряпни из нижних квартир. Склеппи немного боится подъезда. Она крадётся вниз, на секунду оказывается в полной темноте нижней площадки у урчащего распределительного щита — и пытается нащарить дверь. И вот наконец новые варежки нащупывают длинную деревянную ручку двери подъезда и чуть в стороне — кнопку, открывающую домофон. Нажимает, слушает комариный писк, толкает. И ей в глаза бьёт снежная, колючая, такая манящая белизна...

Внезапно в спокойный сон Гробулии проникло извне какое-то беспокойство.

— Опять эта наглая Склеппи! Сколько можно выносить её выкрутасы? Да разбудите же её кто-нибудь! — жалующимся голосом крикнул кто-то.

— Сама буди, Эйда!

— Почему я? Она сейчас пинаться начнёт!

— Смотрите, у неё в руках опять её проклятый амулет вуду! Может, отобрать его?

— Ага, сама попробуй. Она тебя наизнанку вывернет... Ты что, не знаешь Склеппи?

— Но нас же много!

— Нас много, но это-то Склеппи!

Истошно завизжала случайно затесавшаяся в толпу фрейлин любимая борзая принцессы Августы, которой в суматохе отдавили лапу. Гробулия попыталась зарыться в перину и применить заклинание невидимости, но этот фокус не сработал: её всё равно нашарили. Ощутив, что её самым бесцеремонным образом трясут, Склеппи наугад пнула ногой, но ни в кого не попала. Зато за её ногу ловко ухватились и не отпу-

скалы уже, лишая Гробулию возможности наносить новые пинки.

— Стыдись, Гробулия! Ты позоришь высокое звание фрейлины! Её Высочество не желает начинать без тебя свой утренний туалет!.. Она может опоздать на приём, и это сегодня, когда ей должны представить её жениха принца Форна! Какой скандал! Когда-нибудь иссякнет даже безграничное терпение Его Величества Бэра III, и он велит залить тебе в горло кубок раскалённой лавы! — сказал чей-то писклявый от ответственности голос.

— Иди ты в театр, Эйда! — открывая глаза, внятно сказала Склеппи. Она уже поняла, что он, *тот самый сон*, который она так любила и так надеялась запомнить, — опять ускользнул. Ну почему? Почему всегда так? Ни разу ей не удавалось досмотреть его до конца. Всякий раз всё заканчивалось яркой белой вспышкой света.

От такой наглости фрейлины опешили и даже отпустили ногу, но, опомнившись, надели на Гробулию все разом и начали стягивать с кровати. Сопrotивляясь, Гробулия посылала их в консерваторию, в цирк, на гладиаторские бои и куда придётся, но зудящий рой фрейлин не отставал. Некоторое время Склеппи отбивалась гремучими огненными запуками и рыжими молниями, соскальзывающими с её талисмана подобно змеям, а затем, когда талисман у неё отняли, то и подушкой. И лишь потеряв её в пылу боя, она смирилась и свесила с кровати ноги.

— Уговорили! Я сейчас приду! Только дайте мне одеться! — сказала она звенящим от честности голосом, быстро пряча варежки в укромную нишу в спинке кровати. Век варежек недолог, но потому так сладок он... За прошедшие годы пух вылез. Моль прогрызла дыры. Сквозь обмякшую резинку проглядывают желто-

ватые прожилки, давно утратившие упругость. Сколько раз варежки, как на волоске, повисали на своей резинке над распахнутой пастью мусоропровода, однако она так и не нашла в себе сил расстаться с ними. Они стали её талисманом, с которым она не расстанется ни в одном из миров, куда ни заведут её извилистые дороги магии... Если кто-то захочет украсть варежки из ниши кровати — хотя никто в Царстве Огня не посмеет связаться с загадочным амулетом вуду, — в руку вору войдут сразу четыре отравленных шипа, пропитанных смолой анчара, и голова сатира зальётся лицемерными слезами над похолодевшим трупом. Древние кровати умеют хранить тайны — свои и чужие. — Не хотите уходить? Ну тогда отвернитесь! — сказала Склеппи ещё честнее, надеясь вздремнуть ещё хотя бы минуту. Возможно, чудесный сон вернётся.

Но наученные горьким опытом фрейлины не поддаются и на эту уловку. Одиннадцать фрейлин в двадцать две руки наспех одевают Склеппи и увлекают её за собой...

* * *

Шестнадцатилетняя принцесса Августа, единственная дочь Бэра III, грозного повелителя Царства Огня, и его супруги Нуи, которая после рокового проклятия воздушных магов воображала себя палачом, металась по своей спальне. Сказать, что она была взволнована или встревожена, значило просто промолчать. Единственное, чего принцесса не делала, — не извергала огонь, да и то потому, что это значило бы отнимать хлеб у придворных драконов.

Едва Гробулия появилась в её опочивальне, принцесса Августа кинулась к ней.

— Склеппи, ты бросила меня, негодница! Все меня бросили!.. Если я вам надоела, так и скажите! И я уйду! Оставляю всё и уйду в простом рубище и с мешком за плечами! — крикнула она со слезами на глазах.

Гробулия подавила зевок и выполнила на три такта церемонное придворное приветствие. Принцесса Августа грозилась уйти по два раза в неделю, но то ли рубище было не того фасона, то ли в мешок помещалось мало бриллиантов... Сказав ещё пару фраз о своих невыносимых страданиях, Августа остановилась и позволила фрейлинам приступить к утреннему туалету. Пока одни обтирали лицо и шею принцессы губкой, другие — с чулками, корсетом и шуршащими юбками — терпеливо ожидали своей очереди.

У всех женщин царской фамилии лица были длинными, лбы низкими, а нижняя челюсть непропорционально тяжёлой, точно они держали во рту камень. Придворные льстецы утверждали, что это лучшее доказательство чистоты крови — ведь прабабушкой принцессы по материнской линии была легендарная Амулия Великолепная, императрица Всех Царств. Злоязычное же простонародье находило более простое и правдоподобное объяснение. «Лошадиный глаз, сосед! Нечего было на кентавров войной ходить — вот и домахались сабелькой. Семь поколений теперь весь род отдуваться будет».

Наконец, совсем уже одетая и готовая к приёму, принцесса Августа села на высокий стул у зеркала. Почётной обязанностью Гробулии — чему завидовали все без исключения фрейлины — было расчёсывать и укладывать принцессе волосы. Взяв деревянный гребень, всё ещё хмурая Склеппи решительно взялась за дело.

— Эй, что с тобой сегодня? Ты дёрнула меня за косы! — с возмущением воскликнула принцесса.

— С каких это пор жирные макароны, прилипшие к лысине, стали называться косами? — пробурчала Гробулия.

— Ты что-то сказала, Склеппи? — переспросила Августа.

— Я сказала: простите, Ваше Высочество! Я очень сожалею, что причинила вам неудобство. Мерси, пардон, ай эм сорри, их либе дих!

— Прекрати говорить эти слова, ненавижу чёрную магию! Ты сказала что-то другое! Я не глухая! — подозрительно сказала принцесса.

— Ваше Высочество, есть сколько угодно других фрейлин, которые лучше меня умеют укладывать волосы! Кроме того, это вообще можно сделать с помощью магии. *Фенус бальзамус брадобреюс; Эпиляторус тоталис* или что-то в этом духе, — заявила Гробулия.

Одиннадцать фрейлин в ужасе притихли. Ох уж эта Склеппи! Разве кто-нибудь ещё осмелился бы сказать это принцессе? Августа надулась.

— Но я хочу, чтобы меня расчёсывала именно ты! Будешь отказываться — тебя бросят в медного быка, хоть ты и моя подруга. Так будешь расчёсывать или нет? — топнув ногой, сказала она.

— Да сколько угодно буду! Но только ближе к вечеру. До обеда я ничего не соображаю... Это не моё астральное время! Сейчас моя карма на подзарядке, мозги в починке, а я сама в отключке, — заявила Гробулия.

Угроза принцессы бросить её в раскалённого быка не произвела на неё впечатления. В Огненном Царстве темперамент почти у всех был соответственный, а характер пребывал где-то на отметке между «скверный» и «очень скверный». Зато и остывали все быстро.

— Не соображаешь ничего? Я давно это заметила. Но почему, Склеппи? — хихикнула принцесса.

— Просто надо ложиться не позже рассвета, а не бродить по дворцу! Тогда десять утра перестанет быть безумной ранью! — не удержавшись, наябедничала толстая фрейлина Эйда Сирос, удостоенная чести обувать принцессе правую туфельку. Гробулию она терпеть не могла, впрочем, та платила ей взаимностью.

Августа с любопытством уставилась на Склеппи.

— Это правда, что ты гуляешь по ночам?.. А, знаю: свидание! Какого бедного пажа ты охмуряла сегодня?.. Хи-хи... последний отвергнутый тобой осёл вздумал заколоться кинжалом прямо у дверей моей спальни. Только почему-то решил, что сердце у него в ляжке, — хмыкнула принцесса.

Гробулия убито кивнула:

— Ах, Ваше Высочество! А что я могу поделывать? У меня принцип такой: ни дня без разборки, ни ночи без свидания. Иногда я даже назначаю два или три. Просто так. Обожаю динамит мужиков. И ещё люблю, когда они дерутся из-за меня — мечами, кулаками — неважно.

— Хм! — вкладывая в это хмыканье всё негодование, возмутилась Эйда Сирос. Если бы хмыканьем можно было убить, Гробулия точно повалилась бы за мертво.

— Не кипятись, Эйдочка! — сладко сказала Склеппи. — Я же не виновата, что у тебя было только одно свидание — с царским поварёнком. Ясное дело, поварёнок не явился. Потом оправдывался, что это всё из-за старшего повара. Будто повар заставил его мешать в котле лапшу, чтобы она не слиплась. Да только, на мой взгляд, он не мешал лапшу, а вешал её кое-кому на хорошенькие толстые ушки.

Принцесса Августа расхохоталась, зато Эйда покраснела до кончиков волос.

— Ложь! Наглая ложь плебейки! — крикнула она. Принцесса Августа прищурилась. Она обожала стравливать своих фрейлин.

— Эй, Гробулия! Ты слышала? Тебя назвали плебейкой! Что ты об этом думаешь? — спросила она.

— Ничего не думаю! Видала я таких благородных! Кровь голубая, а сама синяя! — фыркнула Гробулия.

Эйда Сирос вспыхнула.

— Что ты понимаешь в благородстве, выскочка? Твой дед торговал гробами и просмолёнными балахонами во время чумы — тогда и вылез в люди. Твой отец был просто жулик, который чудом избежал быка! Мой прадед Люпус Сирос был грозой летающих крепостей воздушных магов. А мой отец, главнокомандующий Кирос Сирос, дважды осаждал Арапс... И тем не менее я ложусь спать в десять вечера!

— Эйда, ради Огня, отвали! Я потому и люблю ночь, что ночью ты не путаешься у меня под ногами! — взмолилась Гробулия.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной, выскочка? Да мой отец Кирос Сирос...

— ...самый бездарный полководец Империи, превзошедший даже Тифуса II Невезучего, — не выдержала Склеппи. — Дважды он едва успевал вскочить на дракона и смыться, когда маги Арапса ночными вылазками разбивали его войско. В последний раз, по слухам, он прилетел в одном сапоге. Не будь он таким подхалимом, его давно бы назначили смотрителем царских павлинов. На большее он всё равно не тянет.

Принцесса Августа захихикала. Хотя она была принцессой могущественного Царства Огня, а Склеппи всего лишь фрейлиной, но факт остаётся фактом: Гробулия с её сильной харизмой вертела принцессой как хотела. Вспыльчивая и капризная, Августа скорее согласилась

бы лишиться своей редчайшей коллекции фарфоровых чашек, чем провести один день без Склеппи. Но при этом говорить о любви принцессы к Гробулии не приходилось. Принцесса вообще мало кого любила. Просто Гробулия была необходима ей как воздух.

— Склеппи, да как ты смеешь? — жалобно воскликнула почти уничтоженная Эйда.

— Умолкни, киса, и надень на Её Высочество туфлю, чтобы нам было чем в тебя запустить, если ты снова начнёшь бредить! И ещё одно: когда в следующий раз вздумаешь подсыпать мне в чай слабительного, не забывай рядом с чашкой ложечку со своим вензелем, — добивая поверженного врага, посоветовала Гробулия.

Эйда Сирос снова вспыхнула и отвернулась.

«Высочка, наглая высочка! — подумала она. — Год назад она не помнила даже, кто она такая! Забыла все церемонии, даже имя короля! Кое-кто шептал, что её подменили! Ну ничего, мой час ещё пробьёт! Она зарвётся — и я её уничтожу!»

— Склеппи, эти бестолковые фрейлины не могут даже разнюхать про принца, красивый он или нет! Говорят, якобы он так и пересёк границу в рыцарском шлеме! — перестав хихикать, громко пожаловалась Августа.

— Меня это не удивляет. Да простит меня Ваше Высочество, принц Форн скорее всего просто обезьяна, — сказала Гробулия.

— Ты меня убиваешь! Ты точно уверена? — спросила Августа озабоченно.

— Принцы всегда чуть получше крокодила. Красавчиками они бывают только в сказках. Те, кто считает иначе, начитался сказок натошак, — заявила Гробулия.

Принцесса прикусила губу:

— Боюсь, что ты окажешься права, Склеппи. Ты всегда права. Это просто невыносимо. Может, мне тебя отравить, а?.. Почему ты думаешь, что он страшный?

— А каким, пардон, ещё может оказаться сын Гуссина Семипалого и Улюлии Приплюснутой? Если он окажется красавчиком, я съем живую виноградную улитку.

Эйда Сирос даже передёрнулась от такого кощунства.

— Все слышали её слова? Это государственная измена! — воскликнула она.

— Измена? Ничуть. Это всего лишь Склеппи злится, что мы её разбудили, — сказала принцесса. — Склеппи, но ты сама его видела? Хотя бы краем глаза?

Гробулия фыркнула:

— Сами знаете, как ваша мамуля относится к нарушению этикета. Никто не может ни взглянуть на принца до начала церемонии, ни даже переговорить с ним. Я видела только его водных драконов у нас в реке.

— И как они тебе?

— Ничего себе, довольно жуткие. Там собралась толпа, и все на них глазеют. Вообразите, они не умеют летать и выдыхают не огонь и даже не дым, а раскалённый пар и кипящие струи воды. А вот сбруя на них неважная. Но Гуссин Семипалый всегда был скряга. Говорят, он ходит по дворцу в фальшивой короне, опасаясь, что настоящую украдут. Прислал сына, а на уздечках драконов ни единой жемчужины. В конце концов, не каждый день сватаешься. А ведь жемчуга-то у них завались.

— А сундуки для приданого небось пришлёт свои, чтоб побольше влезло. Говорят, у него есть один такой сундук, в который влезет пятая часть нашего Царства! — поспешно вставила Эйда Сирос.

Принцесса Августа вспыхнула.

— Помолчи, Эйда! Может, я ещё не соглашусь стать его женой! Отошлю его восвосяи, — сказала она с негодованием.

— Хорошо бы, — сказала Гробулия. — Но это всё равно что объявить Царству Воды войну. В конце концов, наше тридцатилетнее перемирие почти истекло. Да его никогда особенно и не соблюдали. За это время они утопили шесть наших послов. Мы, хвала великодушию вашего папочки Бэра III, пока прикончили у них только пятерых, правда, последнего сожгли в медном быке. Нет, после двух подряд поражений от магов Арапса вашему отцу просто необходим союз с Гуссином, его кентаврами и водными драконами.

— Разве кентавры служат Гуссину? — удивилась Илзи, белокурая, краснощёкая фрейлина, отвечавшая за застёгивание пуговиц. Гробулия не слишком её любила. Несмотря на то что ума у Илзи было не очень много, его хватило, чтобы отбить у Склепси одного из пажей.

— Илзи, киска, у кентавров нет другого выхода. Если они не будут служить Гуссину, он не захочет терпеть их народ на своих землях. После Великого Сражения кентавры ненавидят всех магов без исключения. Ведь тогда против них бились армии *всех* Царств. Но на других землях кентавров истребили или загнали в леса, в Царстве же Воды им позволили укрыться и используют теперь как пастухов и наёмников. Кентавры отличные воины и меткие лучники. Правда, поговаривают, что в последние годы у кентавров появился какой-то вождь, который хочет вернуть их народу свободу, но, возможно, это слухи. Кентавры всё равно сражаются в войсках Гуссина. Если Бэр III собирается поставить Арапса на место, без кентавров нашей армии под Арапсом даже делать нечего. Наши же огненные драконы будут полезны Гуссину в войне с Бореем. Ведь

это летающий город, а водные драконы Гуссина не летают. Чтобы скрепить союз — нужна свадьба. А значит, принц Форн должен стать мужем принцессы Августы.

Принцесса решительно встала.

— Думаешь, мне самой это неизвестно? — спросила она. — Ах, Склеппи, если б ты только знала, до чего тухло иногда быть принцессой! Ты можешь всё, совершенно всё... и одновременно не можешь ничего, даже пококлетничать с кем-нибудь!.. Ладно, пошли, а то мамуля ещё казнит церемониймейстера. После этого ужасного глаза у неё жутко испортился характер.

Одиннадцать фрейлин понимающе вздохнули. Гробулия Склеппи, спохватившись, поспешила вытащить из волос Августы забытый гребень...

* * *

Зал торжественных приёмов был полон. Не просто полон — набит битком. Вздумай коварные маги Борея расплавить цепь огромной люстры, она придавила бы добрую треть двора Бэра III, включая самого монарха и его царственную супругу.

В сводчатых потолках дробилось многоголосое эхо, сталкивавшее тугие обрывки слов как на языке бывшей империи, так и на множестве варварских наречий. У дверей и вдоль стен стояли боевые маги в золочёных нагрудниках. В их могучих руках полыхали извлечённые из ножен огненные мечи. Это была лучшая рота личной гвардии Бэра III, поклявшаяся умереть с царём в один день и час. Правда, здесь можно было встретить и гвардейцев, давших такую же клятву и Фиру II, отцу нынешнего государя...

По колоннам из костей гигантских ящеров, некогда обитавших на равнинах Диких Земель, бежала причудливая

резьба со сценами охоты. Последний сухопутный ящер, чьи размеры, включая хвост, превышали размеры самой высокой и мощной боевой башни Царства, по достоверным сведениям, был убит лично Фиром II, отцом Бэра III. Об этом подвиге было сложено три поэмы и написан один рыцарский роман. Правда, при этом иногда шёпотом прибавляли, что Фир II использовал заговорённый дрот, что значительно понижало значимость его подвига.

В настоящий момент Бэр III, толстый, краснолицый, похожий на помидор, отравивший по недоразумению коротенькие ножки, восседал в парадной мантии на троне. В руках у него был надушенный платок, которым Его Величество то и дело изволили промокать лоб. Но и это не спасало. Бэру III было жарко, и он громко отдувался, производя неподражаемый, истинно царский звук «Фтю-ю-ю!». Рядом на другом троне сидела царица Нуи. Её трон, как и полагается, был ниже царского на полпальца. Зато сама царица была выше своего супруга на две головы, так что всё равно оставалось непонятно, кто тут главный.

— Фтюю... Ты опоздала, дорогая! Ты же знаешь, как для меня утомительно всё утро держать этот противный скипетр... — пожаловался Бэр III, когда дочь появилась в зале.

— Прости, папа! Мне хотелось выглядеть получше, а эти дурь фрейлины так долго копались!

— Казнить! — рявкнула царица Нуи.

— Не сейчас, дорогая... Это испортит церемонию! — томно отмахнулся Бэр. — Начинайте, друзья мои!

Дождавшись, пока принцесса Августа с пёстрой стайкой фрейлин займёт предписанное место по правую руку от трона, Бэр III махнул платочком, и тотчас в зале для торжественных приёмов стало тише, чем в фамильной усыпальнице царского рода.

По знаку церемониймейстера в широкие двери вошёл принц Форт со свитой. Голубоватый магический нагрудник принца был из журчащей прозрачной воды. Вода не только не проливалась, но и постоянно, с огромной скоростью вращалась вокруг груди принца. Боевые маги лучшей роты Бэра III смотрели на нагрудник принца с нехорошим любопытством. Похоже, их интересовал вопрос: можно ли пробить водный нагрудник огненным мечом и если «да», то как быстро.

Приблизившись к трону, принц Форт снял шлем, с достоинством поклонился Его Величеству и, как требовал этикет, от своего имени и от имени своего отца Гусина Семипалого галантно осведомился, в добром ли здравии царь, царица и прекрасная принцесса Августа.

Тем временем принцесса уже бросила на Форна быстрый взгляд и разочарованно засопела. У принца было плоское невыразительное лицо, белёсые брови и огромные щели между зубами. Сомнений не было. Потомок Улюлии Приплюснутой унаследовал все её лучшие черты. Правда, надо отдать ему должное, кошмарная внешность никак не сказалась на его чудовищной самоуверенности и даже не помешала ему иметь репутацию бывалого соблазнителя.

Царице Нуи, чьё царственное сознание в это время дня всегда погружалось во мглу, гость тоже не понравился.

— Стража, это ещё кто? Какой противный! Бросить в быка! — приказала она.

— Фтюю!.. Дорогая, но это же принц Форт, — сказал Бэр III.

— Ну и что? Разве он бессмертный?

Бэр III понюхал платочек.

— Нет, дорогая. Едва ли. Не думаю.

— Тогда казнить!

— Но, дорогая, он наш гость и жених нашей дочери.

— В самом деле? У нас есть дочь? Разве я ещё её не казнила? — разочаровалась царица Нуи.

— Нет, милая, пока нет.

Царица Нуи посмотрела на мужа задумчивым взглядом голодного удава. Она смутно помнила, что когда-то видела его, но не могла вспомнить, где именно.

— У меня есть идея получше! Эй, стража, взять этого мерзкого типа, который спорит с самой царицей! В быка его!

Боевые маги, знавшие причуды царицы, не шелохнулись. Бэр III промокнул платочком лоб и печально улыбнулся принцу Форну.

— Дорогая, ты увлеклась. Меня не стоит казнить. Во всяком случае, не сегодня. Я царь, — ещё мягче заметил Бэр III.

— Какая незадача, царь он!.. Ладно, живи пока, царь! Отравлю за ужином! Сделайте кто-нибудь пометку в моём блокноте! — буркнула царица Нуи.

Принц Форн, слышавший весь разговор от первого и до последнего слова, повёл себя очень достойно. Видно, был уже предупреждён о сумасшествии царицы. Чтобы разрядить обстановку, он подал знак свите. Сопровождавшие его маги стали выкладывать подарки на мраморный пол у трона.

Здесь было всё, чем славилось Царство Магов Воды: доспехи, драконьи седла, блюда из раковин и перламутра, невидимые плащи, вытканые из водорослей. Её Высочеству было поднесено редкой красоты жемчужное ожерелье, не без труда вырванное из цепких ручек будущего тестя.

— Склепи, как ты думаешь, сколько ему лет? — спросила Августа.

— Какая разница? Такая прелесть! Я просто без ума! — с восторгом сказала Гробулия.

— Ты это о чём? — ревниво спросила принцесса.

— Об ожерелье.

— Тьфу! Я тебя о принце спрашиваю!

— А-а-а!.. Ну, лет тридцать, наверное, — прикинула Склеппи.

— Кошмар! Не то чтобы совсем дряхлый, но уже пожилой, — ужаснулась Августа.

На самом деле бедняге Форну было двадцать два, но ни Склеппи, ни Августа об этом не знали. А если бы и знали, для них всё равно не было особенной разницы между двадцатью двумя и тридцатью. И то и другое было безумно много.

— А как он тебе? Конечно, страшный, но, по-моему, не дурак? — неуверенно сказала Августа, в поисках поддержки поворачиваясь к фрейлине.

— Что не дурак, это точно! — подтвердила Гробулия. — Он очень даже ничего. Мне мама всегда говорила, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны и немного богаче Рокфеллера.

Принцесса и с полдюжины фрейлин — в их числе, разумеется, и Эйда Сирос — устали на Гробулию с откровенным любопытством.

— Баронесса Склеппи? Она умерла, едва ты появилась на свет! И ты же ничего не помнишь о прошлом! — с подозрением сказала Эйда.

Гробулия вздохнула.

— Иногда меня капитально глючит, — произнесла она доверительно. — Я вспоминаю какие-то вещи, которых просто в природе существовать не может. Например, совсем недавно мне приснился странный белый предмет. В нём что-то грозно бурлило. И я совершенно отчётливо поняла, что это называется «унитаз».

Принцесса округлила глаза.

— У-ни-таз! — отдельно повторила она.

— Это магия вуду! — с ужасом сказала Эйда Сирос. — Я скорее откушу себе язык, чем соглашусь произнести такое.

Склеппи слушала её вполуха. Она уже задумчиво скользила взглядом по принцу Форну, который — о позор ветрености! — гораздо чаще поглядывал на неё, чем на свою невесту.

К счастью для Гробулии, двору было в данный момент не до наблюдения за принцем. Царица Нуи только что велела казнить церемониймейстера и даже сама погналась за ним с огненным мечом, отобранным у одного из магов.

Убедившись, что хитрый церемониймейстер забился под трон и выкурить его оттуда не удаётся, царица разрыдалась и приказала сжечь дворец. Правда, уже через минуту она передумала и даже согласилась скушать рябчика, потребовав ещё бокал красного вина.

— Рябчика дать! Вино разбавить! Принц Форн по церемониалу должен поцеловать её руку, а как он это сделает, если её придётся привязать к трону? — деловито распорядился Бэр III.

Тем временем Склеппи, поймав очередной взгляд принца, из озорства быстро провела пальцем по губам, затем коснулась левого уха и двумя пальцами потёрла нос. Она сделала это так спокойно и одновременно быстро, что со стороны это выглядело совершенно естественно, как если бы она просто смахивала с лица паутинку.

На тайном языке придворных — общем языке всех Царств, восходившем ещё ко времени императрицы Амулии, — это означало: жду на свидание во время второго караула у дверей ваших покоев.

Принц Форн слегка улыбнулся, быстро взглянул на Склеппи и с соблюдением всех церемоний поклонился своей невесте. Гробулия поняла, что он обязательно придёт.

«Клянусь Огнём, я опять куда-то влезаю! Блин! Блин! Блин!» — подумала она, вновь ловя себя на мысли, что произносит непонятные слова, явно относящиеся к магии вуду. Блины, равно как и оладьи, не были известны в Царстве Огня, где предпочитали приготовленные на огне тонкие лепёшки, в которые удобно было заворачивать куски дичи.

Внезапно острая боль пронзила Гробулию. Ей почудилось, что рука ниже локтя у неё вообще исчезла, а на её месте осталась лишь отвратительная, мерзко пахнущая рана. Если Склеппи не завопила, то только потому, что ей было слишком больно. Когда бывает больно *так*, сил на крик уже нет. Главное — суметь сделать очередной вдох. Холодный пот мгновенно залил её лицо и спину. Она боялась даже взглянуть вниз на руку, уверенная, что не увидит там ничего, кроме палёного мяса.

Лишь спустя несколько секунд боль стала терпимее. Во всяком случае, у Склеппи появилась реальная возможность заорать, но она не заорала, а незаметно шагнув под защиту тяжёлой занавески, закатала рукав. Она начала уже понимать, что к чему. Так и есть... раскалившийся браслет прилип к коже. Шипя от боли, Гробулия поспешно сдвинула его ниже. Разогревшийся металл остывал. Там, где он только что прилегал к руке, на белой нежной коже, пульсировавшей тонкими жилками вен, которые один влюблённый паж сравнивал с реками на географической карте, вздулись красные буквы ожога: **«Не встречайся сегодня с принцем!»**

— О нет! — в ужасе прошептала Гробулия.

Последние два месяца браслет молчал, и она почти успела забыть о нём, и вот...

— Опять! Опять! Опять! — повторила Склеппи.

Этот браслет был её проклятием, её карой и страхом. Был тем, что даже ночью, когда ты не помнишь

о нём, заставляет сердце пугливо замирать, а тело обливаться холодным потом. Обычный браслет, который приковывал её ко всем страхам этой жизни подобно наручникам. Всё началось триста сорок четыре дня назад, когда, не помня ровным счётом ничего, Склеппи оказалась на окраине Пламмельбурга, в самом дурном и бандитском его районе, о чём она, разумеется, не знала, поскольку впервые видела этот район, этот город и даже своё отражение в луже. А собственное отражение, признаться, немало её удивило и даже порадовало, поскольку, даже утратив память, Гробулия сохранила потребность быть броской и особенной. Серые мыши и моль пусть забиваются в свои углы. На охоту вышла она — великолепная и неподражаемая... эй, как меня зовут?.. ну неважно! Я, просто я! Это звучит гордо и особенно.

Склеппи, появившаяся в этом мире неизвестно откуда, была с волосами, покрашенными в немислимый цвет, и в слишком короткой по здешнему обычаю юбке, которая заставляла мужчин бросать на неё двусмысленные взгляды, а женщин брезгливо плевать. Причём что заставляло женщин плевать, так и оказалось невыясненным. Не плевались же они, когда видели свои собственные, толстые, как колонны, ноги, сотрясавшиеся при каждом шаге словно желе? Правда, ноги Склеппи были гораздо симпатичнее, что во много раз увеличивало праведность их гнева.

Именно тогда, когда она решила подойти к первому же прохожему и задать ему вопрос, где она, Гробулия впервые ощутила обжигающую боль и познакомилась с браслетом. *Он уже тогда был на ней.* Широкий, не из драгоценного, а из самого обычного металла, без узоров. По кисти он скользил свободно. Это потом уже он начал сжиматься.

Снять его было невозможно. Это сразу причиняло ужасные страдания. Казалось, огненные буквы отпечатываются не только на коже, но и в мозгу, расплавляя его болью, с которой ничто не могло сравниться.

«Ты будешь повиноваться! Снять браслет не пытайся. Его можно надеть только один раз. Тот, кто снимет его, испытает жуткую боль. Потом боль пройдёт, но через час он умрёт».

«Кто ты?» — с ужасом подумала Гробулия. Даже не произнесла вслух, просто подумала. И, что было ещё страшнее, сразу же получила ответ.

Её запястье вновь обожгло.

«Неважно. Называй меня Арий. А теперь иди и не останавливайся, пока не окажешься во дворце. Я не хочу, чтобы тебе причинили вред. Пока не хочу».

Больше Склеппи ничего не спрашивала. Лишний вопрос — лишняя боль. Это Гробулия усвоила раз и навсегда.

И она послушалась. Что ей ещё оставалось? Преследуемая скользкими типами, делавшими ей скверные предложения, она добежала до дворца и кинулась к магцырям, охранявшим ворота. Подозрительные личности отстали, наблюдая издали. Магцыри хотели бесцеремонно вышвырнуть её, ибо дворец Его Величества Бэра III не то место, где шляются легкомысленно одетые девушки, но Гробулия так завизжала, что на её крик вышел начальник караула. И сразу же — о удача! — узнал в ней фрейлину принцессы Гробулию Склеппи, исчезнувшую день назад при невыясненных обстоятельствах. Вероятно, фрейлина была похищена, но кем и с какой целью, так и осталось неизвестным, поскольку Склеппи не помнила ровным счётом ничего. Настолько, что даже перепутала царицу Нуи с кухаркой. Но всё же природная хватка взяла своё. Склеппи

быстро заново освоила придворный этикет и сблизилась с принцессой, которая и прежде ценила все прелести — равно как и подводные камни — темперамента неунывающей Гробулии. Теперь же Склеппи стала ещё более яркой, ещё более незаурядной — это признавали все, у кого в голове было хотя бы на медный грош мозгов.

И всё это время, все триста сорок четыре дня, у Склеппи хватало благоразумия прислушиваться к жутким приказам браслета. Даже к самым странным приказам, например выкопать ночью в саду тринадцать луковиц чёрного тюльпана и в ночь полнолуния разложить их причудливой и зловещей фигурой на лужайке с солнечными часами. Казалось бы, нелепая блажь, но наутро оказалось, что в ту самую ночь на лужайке насмерть перегрызлись восемь царских гончих, а пытавшийся разнять их псарь лишился пальцев на руке. Кто бы ни был таинственный руководитель Склеппи и какие бы цели он ни преследовал, белым магом его не назовёшь, это точно.

Сколько раз Гробулия с ненавистью разглядывала браслет, который иногда, следуя внутренней своей прихоти, менял форму. Порой он становился узким и изящным, с мелкими колючими бриллиантами, или холодным и тяжёлым, из зелёного с прожилками камня, а иногда — дутым и золотым, поражая даже любившую всё броское Гробулию мещанской безвкусицей.

Не раз Склеппи казалось, что она может снять браслет — просто сдёрнуть его с руки и быстро отбросить. В конце концов, это был всего лишь браслет, побрякушка, хотя и магическая, — но стоило ей только подумать об этом, как запястье начинало почти взрываться, а руку словно глодали сотни злобных пираний, и Гробулия моментально вспоминала грозное предупреждение. Вначале жуткая боль, а через час смерть. Проверять,

верно ли это, — желанья у неё не было. Во всяком случае, в очевидности боли сомневаться не приходилось.

«Может, я потому тогда и потеряла память, что попыталась снять его?» — думала она с тревогой.

Но теперь Гробулия не собиралась торчать всю ночь в комнате, что бы там браслет ни говорил. Принц крови, даже страшный как обезьяна, был слишком лакомой добычей.

Придворный приём проходил по всем правилам этикета и был до невозможности томителен. Несколько неожиданным был только его финал. Царица Нуи вылила на голову царю Бэру разбавленное красное вино, назвав его проклятым алкоголиком, а в принца Форна швырнула рябчиком, крикнув: «Кушай, пёсик, пока мамочка добрая!»

После этого неприятного инцидента царицу Нуи почтительно увели отдыхать. Она ушла без вопросов, почти добровольно, лишь в дверях, неожиданно рванувшись, укусила за щёку зазевавшегося министра пошлин и сборов.

Воспользовавшись суматохой, с полдюжины придворных, в том числе и Склеппи, выскочили из зала, якобы сопровождая царицу, и разбежались по своим делам. Гробулия же отправилась к себе, с тревогой поглядывая на запястье.

— Ну уж нет! — одними губами прошептала она, стараясь, чтобы браслет не засёк её мысли. — Если я останусь в комнате, то лишь до второго караула. Понятно тебе?»

Она ждала какой-то реакции, например новой боли, но её не было, и Гробулия слегка успокоилась.

«Ерунда... — подумала Склеппи, закрывая за собой дверь своей комнаты и отсылая служанку. — Это, конечно, предупреждение, но не очень строгое... М-м-м...

назовём его просто советом. Можно ему следовать, а можно... хорошенько подумать. Как звучало предупреждение? «Не встречайся сегодня с принцем». Так? Так! А после двенадцати ночи — это уже завтра! Ну-с, что вы на это скажете?»

Браслет молчал. Склеппи довольно улыбнулась.

Неожиданно длинная шаткая тень, похожая на две склеившиеся запятые, скользнула по кровати магшала Рокка и остановилась на лице Гробулии. Склеппи кинулась к окну. Прямо напротив окна, раскинув крылья, реял огромный альбатрос с крючковатым клювом. Размах крыльев у альбатроса был колоссальным. На груди белизну его перьев нарушало расплывшееся красное пятно. В той неподвижности, с которой птица повисла у самого окна, было что-то зловещее. На миг взгляд Склеппи и взгляд маленьких, похожих на две чёрные бусины глаз птицы встретились. Гробулия ощутила глухую безнадежность и тоску. В мире, где царствует магия, ничего не происходит случайно. Случайность — это объяснение для дураков, которые не хотят думать.

— Эй! — окликнула Склеппи охрипшим голосом, пытаясь поднять руку и помахать альбатросу. — Эй! Откуда ты взялся?

Альбатрос продолжал смотреть на неё, точно предупреждая о чём-то. Предостерегая. Он по-прежнему оставался неподвижным. Лишь ветер слегка шевелил его перья.

Дворец Бэра хорошо охранялся. Появление большой птицы не могло остаться незамеченным. На маленьком балкончике справа от окон Склеппи внезапно выросли два арбалетчика. Тренькнула тетива. Появление стрелков потревожило альбатроса. С коротким резким криком он повернулся, ещё раз с угрозой взглянул на Склеппи и, скользнув крылом по стеклу, скрылся за башней.

Глава 2

ВСЕ МАГИ ДЕЛАЮТ ЭТО

После военного совета у герцога Дю Билля, на котором решено было нынешним же летом осадить столицу магов Огня Пламмельбург, магшал Дюга Нью Рат вышел из герцогской резиденции очень не в духе. Он был недоволен поставками провианта в армию, состоянием башен и, главное, тем, как проходил рекрутский набор. Бои предстояли жаркие, потери могли быть большими, армия же была далеко не в том блестящем состоянии, как при отце теперешнего герцога.

Молодой Дю Билль так же требовал побед, как его дед и отец, и так же, увлекаясь, брызгал на собеседника кислотатой, с капустным душком слюной, но при этом ничего толком не делал, явно ожидая, что победы сами свалятся к нему в руки. Не принимая личного участия в походах, он отсиживался за неприступными стенами Арапса и охотнее тратил деньги на увеселения, чем на армию.

Боевые магфицеры, жалованье которых регулярно задерживалось, начинали роптать. Это было явно одной из причин, почему армию посылали осаждать сильно укрепленный Пламмельбург, взять который шансов было не больше, чем вычерпать огромный городской ров, куда вливались воды двух рек, дырявым тазом.

Нежить же, которую особыми заклинаниями могли вызывать маги земли — эта великая, но недисциплинированная союзная сила, — ещё с зимы необъясни-

мо отхлынула в Варварские Леса и на Дикие Земли, и на зов являлись лишь разрозненные отряды хмырей и мертвяки. Хмырей маги Пламмельбурга давно научились выжигать драконьим пламенем, мертвяков же отводили от города блуждающими огнями.

Когда Нью Рат появился на площади, там как раз строилась рота недавно набранных рекрутов. Решив взглянуть на рекрутов поближе, магшал круто повернулся и пошёл к роте. Его лицо, обезображенное двумя перекрещивающимися шрамами — память об атаке Арапса пикирующей крепостью воздушных магов, — внушало встречным магфицерам такой ужас, что они сразу вытягивались по струнке. Бестолковые новобранцы стали ещё бестолковее, почти оглохли и от усердия путали все команды: слишком много им приходилось слышать о магшале Нью Рате такого, что заставляло их сердца замирать.

Нью Рат, морщась, прошёл вдоль строя, вглядываясь в новобранцев, очень тощих или очень расплывшихся. Правда, были среди них и вполне нормальные, но мало, слишком мало...

— И это пополнение, я спрашиваю? Это новый призыв великой армии Арапса? Тут одни старики и сосунки! И с этим вы думаете воевать? — закричал он на долговязого магтенанта, который от ужаса застыл сусликом.

— Почему вы молчите? Я спрашиваю: как вы думаете с *этим* воевать? — не дождавшись ответа, рявкнул магшал.

На лице магтенанта было написано, что он вообще не думает: он умирал от ужаса.

— Жалкий сброд! На какой помойке вы набрали таких дохляков? Не будь я маг земли, если не закопаю к вечеру всех, кто отвечает за призыв! — рявкнул магшал Нью Рат.

Челюсть у магтенанта отвисла. Отвернувшись от него, кипящий от раздражения Нью Рат вновь шагнул к новобранцам и закричал на левофлангового:

— Выше голову! Как ты держишь секиру, осёл? Это боевая секира, а не веер! А ну, дай её сюда!

Растерявшийся новобранец протянул магшалу секиру и тотчас едва не рухнул от ужаса, поняв, что допустил роковую ошибку. Долговязый магтенант, понявший это двумя секундами раньше, застонал.

— ЧТО? — заревел магшал, швыряя секиру на землю. — Устава не знаешь? Ты не должен был выпускать оружие из рук ни при каких обстоятельствах!.. Даже если бы его попросил у тебя сам герцог! Магтенант!.. Чему вы учите солдат? Солдату палок, а этого мерзавца на гауптвахту!..

Испуганного магтенанта подхватили под локти и увели. Он не сопротивлялся, только подволакивал ноги.

Магшал Нью Рат пошёл вдоль строя. Неожиданно его кипящий взгляд упёрся в здорового новобранца, мощное тело которого распирало форму магов земли, а ноги стояли на земле так твёрдо, словно были дубовыми корнями.

— Солдат! Шаг вперёд!

Новобранец размашисто шагнул вперёд, оказавшись рядом с магшалом, выше которого он был на три головы. Вид у новобранца был бравый. Штатная армейская секира в его руке казалась игрушечной. Дюга Нью Рат почувствовал, что новобранец его ничуть не боится, и довольно хмыкнул. Он любил таких солдат.

— Как тебя зовут? — Голос Нью Рата потеплел на три сотых градуса.

— Рядовой Гуннио, мой магшал! — выпалил тот так громко, что Дюга чуть не оглох. К тому же рядовой Гуннио от усердия обрызгал его слюной.

— Хм... Рядовой Гуннио. Неплохо. Вижу, с лёгкими у тебя всё в порядке. Давно ты призван?

— Десять дней назад, мой магшал!

— Тебе нравится в армии?

— Так точно!

Дюга Нью Рат кивнул.

— Вижу, что нравится. Откуда ты, Гуннио?

— Не могу знать! — выпалил новобранец так же оглушительно.

Магшал нахмурился. Ответ ему не понравился. Он терпеть не мог *немогузнаек*.

— ЧТО? Как это понимать? Откуда же ты взялся?

— Мне сказали, что я был на дороге, — не смущаясь, отвечал рядовой Гуннио.

— На какой ещё дороге?

— На дороге в Арапс, мой магшал!

— И что ты делал на дороге в Арапс?

— Просто стоял и глазел по сторонам.

— И это всё?

— Всё.

Дюга Нью Рат ощутил, что начинает злиться. Одно из двух. Или этот бравый рекрут идиот, или он смеётся над ним. При одной мысли об этом магшал побагровел.

— Значит, не можешь знать? Как это ты не можешь знать, откуда ты пришёл?

— Не могу знать, как не могу знать! Просто не могу знать! — отчеканил Гуннио.

Заподозрив шутку, магшал с подозрением заглянул в маленькие глазки Гуннио, но они были так оловянно-бессмысленны и одновременно таращились с такой преданностью, что он успокоился. Пройдя долгий путь от рядового до магшала, он научился неплохо разбираться в солдатах. Нет, мысль об измене просто не могла за-

брести в огромную, как у циклопа, голову новобранца, не заблудившись в её закоулках.

Дюга нетерпеливо обернулся. Подскочивший магью-тант, знавший всё, что возможно, и три четверти того, что невозможно, услужливо наклонился к его уху. Это был очень осторожный и очень деятельный карьерист, который даже от родной матери на всякий случай скрывал своё теперешнее продвижение и лишь изредка в письмах в провинцию неопределённо упоминал, что разбирает в штабе бумажки и только надеется на внимание начальства. Звали его Брод фон Бутер.

— Ну и?.. — спросил Нью Рат.

— Мне рассказывали об этом случае, мой магшал... История примечательная. Этот парень просто стоял на дороге как столб. Не помнил даже своего имени. Должно быть, кто-то из проезжих магов стёр парню память. Это было около года назад. Его хотели бросить в тюрьму, мало ли кто он и зачем идёт в город, но, к счастью, повели через площадь. Там его узнали. Это сын кузнеца Гуннио. Его отец давно умер. Целый год парень прошлялся без дела, а недавно добровольно явился на призывной пункт.

— Доброволец? Редкий случай в наши магцифистские времена. Ты мне нравишься, рядовой Гуннио! Я вижу, ты не пораженец и не любишь рассуждать!

— Так точно, мой магшал!

Дюга Нью Рат проследовал было дальше, но ощутил, что должен сказать ещё что-то.

— Э-э-э... Гуннио! — сказал он голосом, подтаявшим до того градуса, когда вечный лёд начинает превращаться просто в ледяную воду. — Заруби себе на носу то, что я тебе скажу. Будешь плохо сражаться — тебя живым закопают в землю! Будешь биться как лев, получишь повышение уже в эту летнюю кампанию! Ты доволен?

— Так точно, мой магшал! — гаркнул рядовой.

Магбютант ревниво посмотрел на Гуннио. Впервые за последние годы магшал Нью Рат проявил хоть какую-то человечность. Этого громадного парня следовало запомнить и не терять из виду.

Неожиданно на площади появился гвардейский караул, направлявшийся сменить стражу у государственной канцелярии, — бравый магфицер в белом кителе, украшенном боевыми медальонами, и двое солдат в светло-голубых мундирах с орлиными крыльями, которые крепились к лопаткам. Магфицер с явным вызовом провёл караул мимо магшала. Солдаты чеканили шаг. Хотя они смотрели точно вперёд, на здание ратуши и никак не на новобранцев, Нью Рат читал их мысли так же ясно, как если бы был телепатом. В чётком и едином звуке сапог гвардейцев, с равной силой ударявших в брусчатку, было откровенное презрение к штатскому сброду, коекак поставленному в строй и неумело вцепившемуся в боевые секиры.

Гвардия подчинялась не магшалу, а лично герцогу Дю Биллю. Единственные во всей армии, гвардейцы вовремя получали жалованье, со вкусом прожигали жизнь и оставались в столице даже теперь, когда вся прочая армия отправлялась под Пламмельбург.

Нью Рат знал, что сегодня вечером, когда караул сменится, в казармах гвардии обязательно прозвучит: «Видели бы вы это пополнение! Эти армейцы призывают всякую шушеру, которая сгодится разве что на корм неприятельским драконам! Бедный старина Нью Рат! Каково ему командовать такой армией! Правда, наш Дюга далеко уже не тот, что был раньше... Сдаёт старик!»

Для вспыльчивого и мнительного магшала такая мысль была хуже пощёчины.

— Эй вы, сударь! — вдруг рявкнул Нью Рат, обращаясь к магфицеру, ведущему гвардейский караул. — Вы, вы!

Магфицер чётко повернулся и остановил своих солдат. Он был лет тридцати, плечистый и уверенный в себе. Хотя команда последовала неожиданно, оба его солдата замерли, как изваяния. Магбютант прикусил губу. Он надеялся всё же, что они ошибутся.

— Подите сюда! — приказал магшал магфицеру.

Тот без страха приблизился.

— Представьтесь!

Магфицер чуть поднял брови с вежливым, но одновременно презрительным выражением. Однако голос его звучал вполне почтительно и без удивления:

— Матт Рац! Магпитан гвардии Арапса, магшал!

Магбютант позеленел. Уже в том, как это было произнесено, содержался вызов. Магфицер сказал «магшал», вместо «мой магшал», как предписывалось уставом. «Опять эта гвардия! Что-то будет!» — подумал он, пытаясь сообразить, какие формы примет гнев вспыльчивого Нью Рата.

— Матт Рац? Хм... Знакомое имя. Вы из знатного рода? — сдерживаясь, продолжал Дюга.

— Нет, магшал. Мой род может похвалиться древностью, но никак не знатностью.

— Тогда почему я о вас слышал?

— Должно быть, вы присутствовали на состязаниях по боевой магии. Мне посчастливилось одержать несколько небольших побед, — пояснил магфицер.

Теперь Нью Рат вспомнил и прикусил губу. Перед ним стоял один из лучших боевых магов Арапса. Если не лучший.

— Забавно... У кого вы учились драться? — протянул он.

— У Аянга Одноглазого! — не без гордости произнёс магфицер.

Дюга Нью Рат хмыкнул:

— У Аянга? Я знал его. Когда-то Аянт муштровал у меня солдат, но я вышвырнул его после того, как он устроил магладииаторские бои в походном лагере. В походе я предпочитаю, чтобы моих солдат убивал враг, а не они сами резали бы друг друга...

— Потери не так велики, магшал. Гораздо больше солдат умирает от запуков и вирусной магии. Магладииаторские же бои повышают боевой дух! — возразил Матт Рац.

— Или опускают его ниже ватерлинии. Не все умеют драться так, как магладииаторы. И как Аянт оценивал ваши способности?

— Мне стыдно признаться, магшал. Он оценивал их незаслуженно высоко.

— Ещё бы! Где ему было разобраться — единственным-то глазом! — произнёс магшал Дюга.

Матт Рац моргнул, однако сдержал себя и лишь поклонился.

— Простите, Рац! Я, кажется, развеял ваши девичьи иллюзии. Будет ли мне позволено поинтересоваться, что великий Матт думает о нашем новом призыве?.. — колко спросил Нью Рат.

— Простите, магшал?

— Вы считаете, что это сброд, не так ли? Что здесь нет никого, кто сгодился бы для гвардии, а для армии, мол, и эти сойдут? Не всё ли равно, чем руководить старине Дюга?

— Я этого не говорил, магшал! — возразил Матт Рац, однако при этом слегка смутился.

— В чем-то я с вами согласен, — продолжал магшал, делая вид, что ничего не заметил. — Это просто

деревенщина. Необученная деревенщина. Неплохо бы посмотреть, на что она способна... Хм... Вот что я подумал. Вы не поможете мне испытать их, Рац?

— Испытать? Каким образом, магшал?

— Вы же хорошо дерётесь, не так ли? Как насчёт небольших магических боёв прямо здесь и сейчас? Для поднятия боевого духа? Это же ваши слова, не так ли? — небрежно сказал магшал.

Магбютант едва не подпрыгнул от восторга. Он восхищался Нью Ратом. Старый солдафон оказался отличным психологом. Он буквально загнал гвардейского красавчика в угол, заставив его драться с новобранцами. Отказаться невозможно — скажут, трусил. Принять же вызов тоже скверно, причём независимо от результата. Гвардейский красавчик победит — прекрасно. Много ли чести опытному боевому магу расшвырять несколько новичков? Магшала же никто не осудит. Он лишь показывает молодым солдатам, что такое боевая магия. Ну и отлично! Не для этого ли их призвали в армию Арапса?

Судя по тому, как пожелтело его лицо, Матт Рац прекрасно осознавал всю сложность своего положения, вот только выхода у него всё равно не было.

— Вы согласны, Рац?

— Да, мой магшал! Но моя форма... Вы мне предоставите возможность переодеться для боя?

«Ага, уже «мой магшал»! Зауважал! Старикан-то гений!» — мысленно восхитился магбютант.

— Переодеться? Уж не хотите ли вы сказать, что форма гвардии годится только для парадов? Или все ваши победы — результат хитрых магладиаторских приспособлений?

— Нет, мой магшал! — с негодованием воскликнул магфицер.

— Тогда сражайтесь в том, во что вас обрядили. Надеюсь, новобранцы — ха-ха! — не пооткусывают ваши хорошенькие медальоны...

Дюга Нью Рат повернулся к строю:

— Эй, парни! Видите этого гвардейца? Это один из лучших боевых магов Арапса! Тому, кто его одолеет, трехдневный отдых от муштры и пять серебряных монет! Добровольцы, шаг вперед!.. Не вижу рвеня! Зарубите себе на носу: если добровольцев не будет, я сгною всех на плацу! Вы у меня подохнете, изучая двойной проворот секиры!..

Похоже, магшал Нью Рат обладал немалым даром убеждения, потому что на этот раз вперед шагнули сразу трое. Двое были здоровенные деревенские ребята, имевшие привычку перед хорошей дракой пошептать на кулак и оглушавшие ударом в лоб быка. Третий же с виду был явный разбойник, случайно угодивший в рекруты во время очередной вылазки в город. Маленький, сухой и невзрачный, он был знаком, должно быть, с массой уловов и коварных ударов, иначе вряд ли бросил бы вызов гвардейцу.

Однако на магпитана Матт Раца они не произвели впечатления. Он даже отстегнул ножны и вручил свой меч одному из сопровождавших его солдат.

— Я буду драться один против троих. Гольми руками! Ваши люди, магшал, могут использовать что угодно. Хоть секиры! — высокомерно проронил он.

«Ага! А мальи́й-то не промах! Пытается повернуть дело так, чтобы говорили, будто на одного безоружного гвардейца магшал напустил нескольких своих. А там ещё подхалимы герцога распускают слух, что это были не новобранцы, а лучшие, особо подготовленные бойцы, которых нарочно выдали за новобранцев», — быстро прикинул подозрительный Брод фон Бутер.

Но магшал не увидел здесь подвоха. Он лишь небрежно кивнул и громко приказал новобранцам:

— Атаковать его! Живо!

Деревенские парни заговорили кулаки и, поглядывая друг на друга, стали обходить магпитана справа и слева. Бывший разбойник как бы невзначай попытался зайти со спины, при этом с таким невинным видом, будто он был просто продавец канареек, случайно оказавшийся на площади.

Несколько секунд прошли относительно спокойно. Парни осторожно приближались, а магладиатор лишь переводил глаза с одного на другого, оценивая расстояние. Его лицо оставалось совершенно спокойным и даже отрешённым. Внезапно солдаты разом рванулись вперёд, и тут... тут что-то произошло.

Магшал мог под присягой поклясться, что гвардеец даже не сдвинулся с места, а один из двух нападающих — тот, что подходил справа, — рухнул на брусчатку и уже не встал. Остальные двое испуганно отшатнулись. Магшал Дюга вопросительно покосился на магъютанта.

— Темпоральная вертушка... Перенесение во времени в предыдущую секунду! Противник получает удар или несколько ударов, так и не успев ничего понять, — пояснил Брод фон Бутер.

— Откуда ты знаешь, Брод? Ты что, делаешь ставки на магладиаторов? — с подозрением спросил Нью Рат.

— Ни в коем случае! Просто я обязан всё знать. Это мой служебный долг.

— Служебный? Ну-ну... — хмыкнул магшал. — Будь осторожен, Бутер! Я знал кучу примеров, когда служебный долг превращался в зауряднейшие долги!

Не дожидаясь, пока его постигнет та же участь, второй новобранец кинулся на магпитана и осыпал его градом ударов. И снова гвардеец поразил магшала. Он не сделал

ни малейшей попытки защититься. Просто стоял и принимал удары. Войдя в раж, ободрённый парень продолжал колотить его. Заговорённые кулаки, способные выбить даже камень из стены, обрушивались на него, метя в самые уязвимые места. Все удары как будто проходили, однако почему-то не причиняли боевому магу вреда.

Полминуты спустя запыхавшийся парень перестал наносить бесполезные удары и вопросительно покосился на магшала. И именно в эту секунду чья-то рука опустилась новобранцу на плечо. Он повернулся, и тотчас короткий и мощный удар бросил его на камни.

Матт Рац, возникший словно из ниоткуда, ухмыльнулся и щелчком пальцев уничтожил своего двойника.

— Пространственный дубль с одновременным затуманиванием сознания. Я так сразу и подумал. Иначе парень почуял бы подвох и разобрался, что дубасит призрака, — негромко сказал магбютант.

Оставшись с Матт Рацем один на один, бывший разбойник точно проснулся. Сделав несколько обманных движений, он одну руку вытянул в направлении магпитана, отвлекая его внимание, а другой скользнул куда-то за спину. Потом резко выбросил её — и в гвардейца полетел короткий метательный нож. Он был не один. Ещё шесть точно таких же ножей, возникших неведомо откуда, со скоростью молнии помчались в мага из разных точек пространства, замыкая его в кольцо.

— Заклинание семи ножей! Нож с рунами и шесть его двойников, не менее смертоносных! Они сами находят цель! Против них не действуют даже талисманы! — прошептал поражённый Брод фон Бутер.

Контуры боевого мага на мгновение раздвоились, но сразу же собрались воедино. Видно, он сообразил, что это бесполезно. Боевой маг шагнул в сторону. Бесстрастное лицо Матт Раца исказилось. Он бестолково

взмахнул руками и нырнул вниз, тщетно надеясь уклониться. Но магические ножи было не обмануть. Они изменили направление полёта, а в следующий миг гвардеец был уже утыкан ими, как ёж иголками.

Бывший разбойник неторопливо подошёл к его телу и выдернул нож. В тот же миг исчезли и остальные шесть. На брусчатке осталось лежать неподвижное тело. На парадном кителе не видно было ни одного пятна крови. Магические ножи убивают бескровно.

— Этот гвардейский выскочка готов... Хотел бы я знать, парень, кто обучил тебя этим бандитским приёмам? Солдаты так не дерутся, — с гневом сказал магшала Нью Рат.

— Да, мой магшала! Солдаты так не дерутся! Эти заговорённые ножи — скверная штука! — странно улыбаясь, подтвердил разбойник.

Он шагнул к Нью Рату, провёл рукой по своему лицу и... в тот же миг напротив поражённого магшала возник Матт Рац, живой и невредимый. На камнях же рядом, где только что лежало тело в парадной форме, вытянулся неподвижный разбойник.

— Клянусь землёй, вы живы! — поразился магшала.

— От ножей невозможно уклониться, пока они не получат своей крови. У меня просто не было выхода, — с сожалением глядя на мёртвого солдата, пояснил Матт Рац.

— Как это вам удалось уцелеть? — спросил Нью Рат.

— Приём называется «телепортация оборотня». Меняетесь с противником положением тел в пространстве, временно принимая его облик... Если сделать всё быстро, можно одурачить даже стрелу, нож или копьё, заговорённые всегда попадать в цель, — пояснил Матт Рац.

— Недурно, — пожевав губами, оценил магшала. — Сложно обучить этому солдат?

— Не очень сложно, магшал. Требуется четырёх часов непрерывных упражнений в день на протяжении семи лет, — с достоинством ответил гвардеец.

— Тогда мои ребята обойдутся без этого. Прилично управляться с секирой можно обучить за три месяца. К тому же я не хочу, чтобы кто-то поменялся обликом со мной или с герцогом Дю Биллем, — сказал Нью Рат.

Он обернулся к новобранцам и дал им приказ убраться. Деревенские парни, кое-как очухавшись, уже заняли место в строю.

— Ну что, сообразили, что армия Арапса — это вам не мапсион для магородных магвиц? Ещё кто-нибудь хочет попытаться судьбу? — гаркнул магшал, раздражённый поражением своих солдат.

Он был убеждён, что добровольцев больше не найдётся, и едва не чихнул от удивления, когда из строя шагнул рядовой Гуннио.

— Можно мне, мой магшал?

— Тантал тебя возьми, тебе что, жить надоело? — поинтересовался Брод фон Бутер.

— Да разве жить надоест? Просто охота пять монет заработать, — хмыкнул Гуннио.

Матт Рац посмотрел на него с состраданием.

— Отважный щенок! Убить тебя я не убью. А вот руки и ноги переломаяю, — сказал он.

— Отчего ж не переломать? Ломайте! На мне всё как на собаке заживает, — кивнул рядовой Гуннио.

— Ты мне нравишься, парень, — ухмыльнулся Рац.

— А ты мне нет. Медальки все эти, бабский мундирчик — тьфу! Не люблю я таких конфетных солдатиков! — сказал рядовой Гуннио.

Теперь расхохотался уже магшал Дюга Нью Рат. Матт Рац же побагровел и встал в боевую позицию.

— Ты сам напросился, парень! Начинаем на счёт «три»! Раз... два...

Гуннио прищурился. Ещё во время предыдущей схватки, когда Рац отутюжил троих новобранцев, он заметил, что перед тем, как исчезнуть в темпоральном прыжке или применить любой другой трюк, магпитан всякий раз окутывался плотным фиолетовым сиянием. Потом точно такое же свечение возникало в той точке пространства, где впоследствии оказывался сам Матт Рац.

Почему-то никто, кроме Гуннио, не замечал этого свечения. Вот тогда у него и мелькнула мысль, что боевой маг не так уж и неуязвим.

— Три! — крикнул Матт Рац.

И вновь Гуннио увидел окутавшее его сияние. Сам магпитан — а точнее, его двойник — остался на месте, но Гуннио заметил, что сияющий фиолетовый кокон внезапно появился по правую руку от него и начал сгущаться. Удивляться такому раздвоению времени уже не было. Философию лучше оставить философам. В драке же думать скорее опасно, чем полезно.

— *Гломус вломус!* — выкрикнул Гуннио это неведь откуда пришедшее ему на язык заклинание и выбросил чугунный кулак прямо в центр фиолетового свечения. А спустя мгновение зарядил другим кулаком прямо в лоб согнувшемуся от боли Матт Рацу, проявившемуся там же секундой позже. Гвардеец был ещё полупрозрачен, но уже вполне материален.

Третьего удара не потребовалось. Магпитан Матт Рац растянулся на брусчатке, бесчувственный, как старая колода. Его дублёр дрогнул и, поразмыслив немного, превратился в розоватый дым. Гвардейские солдаты кинулись поднимать своего командира и, закинув его руки себе на шею, поволокли в казармы. Ступни

магпитана скребли по камням, служа напоминанием о бренности всего сущего. Лишь к вечеру он пришёл в себя.

— Этот парень видел меня! Раскусил лучший мой трюк! Никто в Арапсе на такое не способен, — с усилием выговорил он.

Переминаясь с ноги на ногу, рядовой Гуннио ухмылялся, ощущая устремлённые на него взгляды. Магшал Нью Рат, прихрамывая, подошёл к нему.

— Bravo, рядовой! — рявкнул он. — Ты утёр нос этим гвардейцам!.. Бутер, выдай ему пять монет! Но как, поглоти меня земля, тебе это удалось?

— Я прикинул, что он возникнет именно здесь. Вроде как он этот фокус уже проделывал разик, так что я просёк. Только он, значит, застыл, я кулак и выбросил, — пояснил Гуннио.

— Угадал, значит?

— Чутьё у меня на это дело! Частенько драться приходилось, — сказал Гуннио.

У него хватило ума не заикаться про фиолетовое свечение. Не так давно на городской площади он стал свидетелем казни мага, способного видеть ауру.

— Три дня отдыха от муштры! Bravo, рядовой!

Когда магшал Нью Рат удалился, Гуннио встал в строй. И сразу, точно давно дожидаясь этой минуты, руку ему просверлила боль. Она была такая, словно запястье пилили тупой пилой, изредка добавляя один-два удара зубилом чуть выше, в лучезапястную кость.

«Ты сделал ошибку, Гуннио, проявив свой дар! Твоя жизнь выкуплена лишь повиновением. Пока ты повинешься мне — ты жив».

Каждое слово было как обжигающая пощёчина, как прикосновение раскалённого утюга к телу. И не только к телу. Сознание тоже сжималось, слабело.

— Что у тебя там такое? Побрякушка, что ли? — спросил у него стоявший рядом в строю Псойко Рыжий, унылый малый с бородавкой на носу, которого кусали все без исключения собаки. Он был продавцом оловянных солдатиков, пока его не угораздило, получив по ошибке чужую повестку, заявиться на призывной пункт, чтобы прояснить недоразумение.

Гуннио очнулся. Осторожно пошевелил рукой. Она действовала. Боль отпустила. На этот раз это было лишь предупреждение.

«Пока предупреждение, Гуннио! Дальше будет хуже!»

— Ничего, — сказал рядовой Гуннио и быстро сунул руку под панцирь.

Солдаты поглядывали на него с сочувствием. Возможно, думали, что он проверяет, не ранил ли его этот костолом-гвардеец.

Знали бы новобранцы, что делал их кумир рядовой Гуннио на самом деле! Чей синтетический мех гладили и щупали его пальцы, у кого они искали помощи и одобрения. Узнай они это, они подняли бы его на смех, а возможно, просто покрутили бы пальцем у виска. Но, так или иначе, они выразили бы своё крайнее изумление.

— Пап, купи!

— Зачем тебе эта обезьяна? Она же китайская! Нелепая дешёвая обезьяна! Китайские игрушки ломаются ещё в магазине! Надо покупать нормальные крепкие русские игрушки!

— Ну па-а-ап! Это не обезьяна!

— Как не обезьяна?

— Это медведь, пап!

— Мне не жалко денег! Да ты же его выбросишь через час!

— Па-а-ап, не выброшу! Купи-и-и!

— А я говорю, что выбросишь. Тебе любой пистолет на десять минут. Не тяни меня за руку! Это у мамы ты можешь выпросить Луну.

— Пап, ну пожалуйста! Па-а-аа!

Он тянет папу за руку. Буксирует его, используя всю силу своей четырехлетней руки против одного папиного мизинца. Отцу — грузному, рано начавшему лысеть человеку, первому забияке среди всех водил и механиков Второго автопарка, это, кажется, нравится. Молодец сын! Здоровая порода, их, гломовская, исконная. Не какие-нибудь там высоколобые сосунки, которых пальцем можно перешибить.

И вот папа уступает. Уступает, разумеется, не сразу, но всё же сдаётся...

— Как ты меня достал! Ну... Э, девушка, покажите нам вон ту обезьяну!

— Это медведь, пап!..

— Сколько с меня?

Медведя засовывают в пакет с названием магазина.

— Спасибо за покупку! — говорят отцу.

— Спасибо не булькает!

Они идут. У отца в руках пиво, у него — медведь, маленький медведь с выпуклыми пуговичными глазами, которого он всё время нюхает, хотя медведь пахнет нитками и красителем. И больше ничем. Почему медведь зелёный? Разве бывают зелёные медведи? И... разве можно всю жизнь любить зелёного дешёвого медведя?

Но, оказывается, можно... Хотя кто сказал, что мы любим вещи вне воспоминаний о них?

Всё это Гуннио, разумеется, не помнил... Разве что иногда во сне мелькало что-то туманное. Но медведя он любил, неопределённо ощущая, что он как-то связан с его прошлым, с его самыми лучшими днями, которые остались где-то позади.

Он не расстался с ним даже тогда, когда, одетый нелепейшим образом — в широченные шорты и майку с пивной эмблемой не существующей в Средневековые компании, — он очутился на пыльной дороге в получасе ходьбы от Арапса. Медведь, глубоко запрятанный в правом кармане шортов и уткнувшийся носом-пуговицей в колоннообразную ногу Гуннио, стал единственной нитью, которая скрепляла его прошлое и настоящее.

* * *

Шурасино, самый юный магистр воздушной магии за всю историю Борейя, был почти на восемьдесят восемь процентов убеждён, что с духами эфира лучше не связываться. С другой стороны, никакого другого способа заделать многочисленные щели пикирующей крепости левитационной замазкой из белой глины всё равно не существовало, так что он решил рискнуть.

«Я буду осторожен. Не нарушу ни одного из важных правил. Не буду их хвалить, не засну и, когда они явятся за новым заданием, решительно отошлю их в астрал, сколько бы они ни мельтешили», — ободрил он себя.

До сих пор именно третья пикирующая крепость внушала градоправителям вольного города Борейя самые серьёзные опасения. А всё из-за боевой башни, которая получилась слишком массивной и не желала держаться в воздухе, невзирая ни на какие магические ухищрения. А так как без третьей пикирующей крепости, вписанной в стратегический резерв, оборона границ города-госу-

дарства была уже не такой надёжной, юному магистру велели отложить все дела и заняться левитационной замазкой. Обильно помещённая в многочисленные щели башни, замазка на основе заговорённой белой глины должна была придать пикирующей крепости требуемую прыткость и даже склонность к высшему пилотажу. Правда, те, кто видел летающие крепости в действии, все как один сходились во мнении, что о высшем пилотаже говорить приходится с большой натяжкой. В очень и очень переносном смысле.

Приготовление левитационной замазки, кроме знаний, требовало времени и чудовищного упорства, переходящего в патологическое упрямство. Час за часом Шурасино варил разведённую до жидкого состояния глину в огромном котле, в который через необходимые промежутки времени бросал ногти титанов, волчью жёлчь, толчённую в порошок бирюзу, консервированную синь неба, гремучую скуку в брикетах, язвительность горгулии, мозоли мегеры, гуманизм хмыря в таблетках, фаршированный алмаз и прочие невообразимые вещи, до которых так охочи изобретательные маги воздуха. Разумеется, всё это активно приперчивалось знаменитыми ямбовыми заклинаниями, получившими широкое распространение в Борее.

Магистром воздушной магии Шурасино, человек новый в этом городе, стал недавно и случайно. Предыдущий магистр, его учитель, был личностью рассеянной и склонной задавать самому себе вопросы следующего рода: «Я сегодня завтракал? А мне понравилось? А где я был вчера вечером?»

Однажды этот рассеянный чародей задумал набрать первой росы для какого-то зелья, но упустил из виду, что Борей в это время суток обычно находится в полутора километрах над Скалистым Хребтом. Стража

у ворот отсутствовала, сами ворота были по небрежности открыты, и никто не помешал магистру совершить свой последний в жизни затыжной прыжок. Возможно, он успел бы ещё произнести левитационное заклинание, ибо магам воздушной стихии не нужны метлы или пылесосы, но его энергетический амулет оказался почти разряжен, а крылатые сандалии, промоченные вчера в крокодиловых слезах, были на просушке и меланхолично трепетали крылышками, пришипленные прищепками к верёвке в Облачной Лаборатории.

В результате Шурасино, как самый способный ученик магистра, получил его прежнюю должность, его амулет и несколько тысяч полотняных мешочков, составлявших все магические запасы его предшественника. При осмотре обнаружилось, что в треть мешочков по рассеянности насыпано совсем не то, что значилось на ярлычке, содержимое же оставшихся двух третей основательно заплесневело. Амулет Шурасино поспешил зарядить, от подозрительных же мешочков по возможности избавился, вытряхнув их прямо в окошко Облачной Лаборатории.

Левитационная замазка пока была самым ответственным заданием юного мага, и он, разумеется, из кожи вон лез, чтобы всё получилось. К концу вторых суток работы, когда Шурасино держался на ногах в основном потому, что упасть в колоссальных размеров кипящий котёл, над которым он ходил по широкой доске, было бы гораздо менее мудро, белая глина перестала бурлить и загустела. Котёл окутался ровным сиреневым сиянием. Пар от выкипающей воды, прежде ведущий себя как самый обычный пар, стал складываться в руны.

И вот тогда-то Шурасино понял, что левитационная замазка вот-вот отвердеет и нужно срочно вызывать

духов эфира. Он зажал в руке большой амулет с двумя крупными опалами и произнёс заклинание:

— *Эфирус дельфиум тульсиит наркози!*

И вот тогда-то и начались главные неприятности.

Духи появились сразу. Это были маленькие, пухлые, очень бойкие существа, точно вылепленные наспех из кучевых облаков. Их круглые мягкие лица не имели ни формы, ни индивидуальности и принимали черты того, кто их вызвал. Вот и теперь вокруг Шурасино кружились несколько десятков его миниатюрных копий. И не в первый уже раз он поймал себя на мысли, что крайне недоволен собственной внешностью. Нос казался ему слишком длинным, лоб чрезмерно широким, а подбородок, напротив, маленьким и незначительным.

Духи эфира носились вокруг Шурасино с нарастающим раздражением. Их позаимствованные у него же острые комариные носики фехтовальными выпадами пронзали пространство. Юный магистр спохватился, что ещё немного — и нетерпеливые духи столкнут его в котёл. Эфирники имели репутацию потусторонних существ, которых нельзя было вызывать просто так, не имея для них сложного поручения. Последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

— Эй вы, бездельники! Взяли котёл и марш замазывать башню третьей пикирующей крепости! Чтоб ни одной щели не осталось! А потом вернётесь сюда! — велел Шурасино, заранее зная, что будет ругаться даже в том случае, если духи эфира сделают всё первосортно.

Хвалить духов эфира было строго запрещено. У того, кто имел бы глупость это сделать, они немедленно потребовали бы вознаграждения, весьма экзотического, скажем, в виде его последнего дыхания. Причём отказались бы ждать до старости и получили бы его немедленно. С терпением у них всегда было неважно.

Едва услышав приказ, духи эфира подхватили тяжёлый котёл и умчались. Шурасино еле-еле успел спрыгнуть с доски.

«Теперь главное не спать и не прозевать, когда они вернуться!» — напомнил себе Шурасино, зевая и барахтаясь в цепких объятиях соблазна. Он отлично знал, чем это чревато, если он сейчас заснёт.

Молодой магистр сел за низенький мраморный столик и, переставляя резные фигуры, стал играть сам с собой в шахматы — любимую игру всех волшебников. Правда, это были особые шахматы. Фигуры здесь ходили по собственной воле, не дожидаясь своей очереди и лишь прислушиваясь к пожеланиям Шурасино, но далеко не всегда следуя им. Да и противоборствующих сторон тут было не две, а четыре.

Вот фиолетовые, мощные, приземистые, точно ушедшие в доску фигуры — маги земли со столицей в Арапсе. А вот и их изнеженный повелитель — последний герцог Дю Билль. Точная копия настоящего герцога в громадном кружевном воротнике и куцем костюмчике с крупными изумрудами. Вот только сам он не больше чайной ложки... С другой стороны доски маги огня из Пламмельбурга — Бэр III, царица Нуи, их варварские легионы с огненными мечами и огнедышащие, подвижные, точно отлитые из ртути драконы... Вот Царство Воды со слонами-кентаврами и водными ящерами, а вот воздушные маги Борея, пешки которых висят в воздухе, точно пикирующие крепости.

Когда-то на месте Четырёх Царств существовала единая могущественная империя, однако теперь разрозненные её части с увлечением отгрызали друг у друга земли, области и даже отдельные деревеньки, порой заключая кратковременные союзы и перемирия. Огонь с землёй против воды и воздуха, земля против воздуха

и воды, огонь против всех и огонь в союзе с водой... Дикие и несочетаемые комбинации для астрала, но вполне реальные в обыденной жизни царств. Тщетно маги прибегали к своим стихиям и разрабатывали всё новые цепочки грозных заклинаний. Ни одно не имело достаточно сил, чтобы покорить остальные три и вновь собрать империю.

Вот и теперь Шурасино не без интереса наблюдал, как драконы водного царства косят кипящими струями и гремучим паром пешки магов земли, не замечая, что синие у них за спиной незаметно договорились с белыми и к драконам вкрадчиво подбирается белая королева — сам великий и непобедимый воздушный град Борей...

«А, вот оно как! Я почему-то так и полагал, что мы вступим в союз с магами Арапса!» — зевая, подумал Шурасино.

Внезапно за громадным витражным стеклом — в Царстве Воздуха обожали витражи — что-то мелькнуло. Шурасино готов был поклясться, что это силуэт огромной белой птицы с раскинутыми крыльями, стремительно упавшей на Борей сверху. В следующий миг витраж разлетелся вдребезги. На полу среди осколков стекла застыл большой краб. Шурасино посмотрел вначале на него, а затем вновь уставился в окно. Птица исчезла. Шурасино осторожно присел рядом с крабом на корточки и потрогал его пальцем. Краб не шевелился. Но он не был мёртв. Не может быть мёртвым тот, кто никогда не был живым.

«Странное развлечение у птички! Разбивать стёкла крабами с мелкими бриллиантами на клешнях и рубиновыми глазами», — подумал Шурасино и подозрительно покосился на свой амулет. Обычно тот чутко подмечал малейшие изменения магического поля. Однако теперь украшавшие его опалы оставались тусклыми. Подняв